II
411

Лермонтов М.Ю.

Песня про царя
Ивана Васильевича,
молодого опричника
и удалого купца
Калашникова

1865

2го К. К.
УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
По описи № 151
отд. II № 411

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Типогр. «Кр. Печатник». Зак. 547. Тир. 100000.

~~406~~

№ 252

411 — II — 1/р.

1/р II-174 уч. пос

ПѢСНЯ

про

ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА,

МОЛОДАГО ОПРИЧНИКА

и

УДАЛАГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

7492

ПРОВ. 2006

ПѢСНЯ

ПРО

ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА,

МОЛОДАГО ОПРИЧНИКА

И

УДАЛАГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

(1837).

СЪ 12 РИСУНКАМИ Г. ШАРЛЕМАНЯ И СЪ НОВЫМЪ ПОРТРЕТОМЪ ЛЕРМОНТОВА, ГРАВИРОВАННЫМЪ ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ.

БИБЛИОТЕКА
Лен. Гос. Пед. Ин-та
им. Герцена, 26

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. И. ГЛАЗУНОВА.
1865.

1137220

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31-го Октября 1864 года.

ТИПОГРАФІЯ Н. И. ГЛАЗУПОВА.
Б. Мѣщанская, 8.

Б. 2-й П. ВОЕННОЙ ГИМНАЗІИ

ПѢСНЯ

ПРО

ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДАГО ОПРИЧНИКА

И УДАЛАГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова.
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго,
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шолкомъ шитое.

Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали — не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,

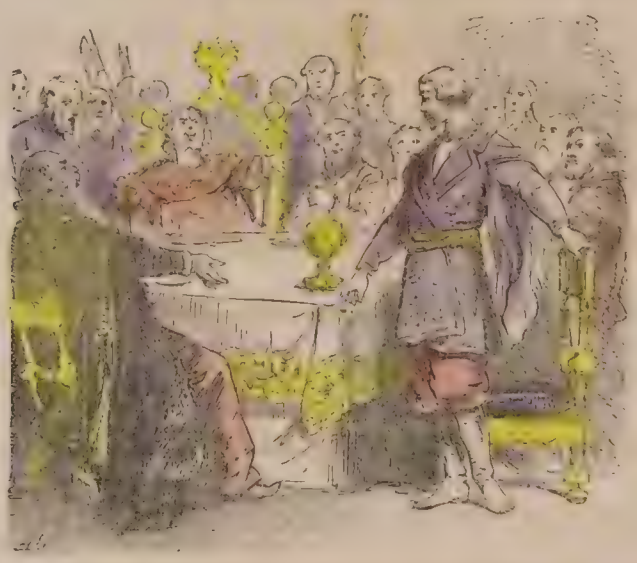
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
— И всѣ пили царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь —
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ

На младаго голубя, сизокрылаго, —
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
— Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою, —
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ, —
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
— Вотъ промолвилъ царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодецъ.



«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?

Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется —
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично-же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормлёнъ Малютиной!...»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:

— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную — не заботчивать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;

Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся-ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась-ли шапка соболиная?
Не казна-ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалёная?
Или конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ сынъ купеческій?»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ!
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая;

А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другаго парядимся.

— Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шолковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную, —
У воротъ стоятъ у тесовыихъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь; —
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...

— На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно — будто лебёдушка,
Смотритъ сладко — какъ голубушка,
Молвитъ слово — соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,

Какъ заря на небѣ божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.

— Какъ увижу ее — я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,

Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкаское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождемъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышлёной покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогнѣвайся.»

— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему, христіанскому...

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,

Набѣгаютъ тучки на небо, —
Гонитъ ихъ метелица распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злаго пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле-теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алёна Дмитревна?

А что дѣтки мои любезныя —
Чай забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»

— Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ пришелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать, —
А по-сю-пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ плачутъ, все не уймаются.

И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну глядитъ на улицу —
А на улицѣ ночь темнёхонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ — сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

«Ужъ ты гдѣ жена, жена шаталася?
На какомъ дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай съ сынками все боярскими?...
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...»

И услышавъ то, Алёна Дмитревна
Задрожала вся моя голубушка,
Затряслась, какъ листочикъ осиновый,
Горько-горько она всплакалась,
Въ ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно-солнышко,
Пль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи — будто острый ножъ;
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

«Отъ вечерни я домой шла поневе
Вдоль по улицѣ одинёшенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Огляпулася — человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки,
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюсь Кирибѣевичемъ,

А изъ славной семьи изъ Малютиной...
Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цаловать — ласкать,
И цалуя, все приговаривалъ:

— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня.
Хоть единый разъ на прощаніе!

«И ласкалъ онъ меня, цаловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные...

А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

«Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ — твой подарочекъ,
И фата моя бухарская. —
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,

Меня, честную, непорочную.
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣлóмъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безвѣсти,
А меньшой мой братъ — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила такъ Алёна Дмитревна,
Горючьми слезами заливалася.

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ

За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшóй нашъ братъ,
Что̀ съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?»

— Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ.
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на́-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня — выходите вы
За святую правду-матушку.

Не сробѣйте, братцы любезные.
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя.
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,

Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ:
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя, роднаго, не выдадимъ.»

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,

Какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною.
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную.
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять сажень
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;

Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!»

И выходитъ удалой Киpибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...

Трижды громкій кличъ прокликали —
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживастъ.
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ;
«Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живаго съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя нашего батюшку.»

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны —
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ Бѣлому Кремлю, да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.

Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться.»

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:

По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями ширяючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ:
Бойки очи его затуманились,

Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣдняго!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою

И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво:
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ-корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лицо свое.

Какъ возговорилъ православный царь.
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»

— Я скажу тебѣ, православный царь!
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...

«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству Русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...»

Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.

По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запанкой,
Съ большимъ топоромъ, навостренымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ.
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Съ родными братьями прощается:

«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алёнѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,

И кленовый крестъ тутъ поставили.

И гуляютъ шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безъимянной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,

Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса залпвные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.

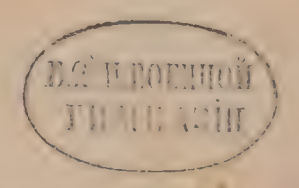
Тароватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Къ настоящему изданію мы прилагаемъ новый портретъ М. Ю. Лермонтова, отличающійся особеннымъ сходствомъ, какъ утверждаютъ лица, близко знавшія покойнаго поэта. Портретъ этотъ гравированъ въ Лейпцигѣ, у Брокгауза, съ фотографическаго снимка, сообщеннаго намъ изъ Саратова *А. С. Муренко.* Подлинникъ, съ котораго сдѣлана была фотографія, писанъ для родственника Лермонтова г. Столыпина художникомъ Захаровымъ, вскорѣ послѣ выхода М. Ю. изъ юнкерской школы.

Рисунки для «Пѣсни» сдѣланы художникомъ А. Шарлеманемъ и вырѣзаны на деревѣ Е. В. Гогенфельденомъ, за исключеніемъ трехъ помѣщенныхъ на стр. 12, 22, и 36, гравированныхъ Ѳ. Фрейндомъ.

Въ текстѣ «Пѣсни» нами сдѣланы исправленія по изданію стихотвореній Лермонтова, сдѣланному въ 1840 г. самимъ поэтомъ. Этого изданія, чрезвычайно рѣдкаго, у насъ не было при печатаніи послѣдняго изданія сочиненій Лермонтова, а потому мы и не могли тогда исправить нѣкоторыя искаженія, допущенныя прежними издателями.



7177

57.